Военный Архив

Александр ШИРОКОРАД

БОГ ВОЙНЫ 1812 ГОДА

Артиллерия в Отечественной войне

Военный архив

Александр Широкорад

Бог войны 1812 года. Артиллерия в Отечественной войне

«ВЕЧЕ»

2012

УДК 94(47)
ББК 66.3(2)47

Широкорад А. Б.

Бог войны 1812 года. Артиллерия в Отечественной войне /
А. Б. Широкорад — «ВЕЧЕ», 2012 — (Военный архив)

В войнах первой половины XIX в. артиллерия играла важную роль, недаром современники называли ее «богом войны». Впервые читателю предлагается детальный рассказ о действиях артиллерии в Отечественной войне 1812 г. На примере известных сражений автор показывает особенности использования орудий в русской и французской армиях, рассматривает состав и оснащение артиллерийских частей, а также артиллерийские трофеи, захваченные русскими войсками. Книга иллюстрирована уникальными фотографиями.

УДК 94(47)
ББК 66.3(2)47

© Широкорад А. Б., 2012
© ВЕЧЕ, 2012

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 16
Конец ознакомительного фрагмента. 19

Александр Широкорад
Бог войны 1812 года. Артиллерия в Отечественной войне

Глава 1
Вторжение Наполеона в Россию

В ночь на 12 (24) июня французские войска форсировали Неман. Накануне Наполеон обратился к армии с воззванием: «Воины! Вторая Польская война начинается. Первая кончилась при Фридланде и в Тильзите. В Тильзите Россия поклялась на вечный союз с Францией и вечную войну с Англией. Ныне нарушает она клятвы свои. Она объявляет, что даст отчет в поведении своем, когда французы возвратятся за Рейн, предав на ея произвол союзников наших. Россия увлекается роком; да совершится судьба ея!»[1].

Я умышленно взял цитату из труда лауреата Ленинской и Государственной премий СССР, члена-корреспондента Академии наук СССР П.А. Жилина. А вот что сразу после обращения пишет наш классик: «Развязанная Наполеоном война против России была одной из самых несправедливых, грабительских войн. Армия Наполеона осуществляла в войне самые агрессивные цели контрреволюционной французской буржуазии, стремившейся к захвату новых источников сырья и рынков сбыта, видевшей в наполеоновской агрессии силу для превращения России в колонию, для порабощения русского народа, для установления мирового господства. Для русского народа война 1812 года с самого начала приняла народный, освободительный характер. Великий русский народ, поднявшийся на защиту своей страны, вел справедливую, национально-освободительную войну против вторгшейся в Россию захватнической армии Наполеона»[2].

Чтобы понять ход войны и конкретно действий артиллерии в войне 1812 г., необходимо разобраться в целях и задачах обеих сторон.

Сразу заявлю, что в первые же дни войны Россия добилась победы в пропагандистской войне, представив поход Наполеона варварским вторжением с армиями «всей Европы, чтобы закабалить русский народ и лишить его православной веры». Нет, нет, я не преувеличиваю.

За 6 лет до вторжения Великой армии в Россию Александр I не придумал ничего более умного, чем приказать Священному синоду объявить Наполеона… антихристом. Народу объявили, что-де Наполеон еще в 1799 г. в Египте тайно принял мусульманство, а также много не менее занятных вещей.

По мнению Святейшего синода, «в Египте приобщился он к гонителям Церкви Христовой, проповедовал Алкоран Магометов, объявил себя защитником исповедания неверных последователей сего лжепророка мусульман и торжественно показывал презрение свое к пастырям святой Церкви Христовой. Наконец, к вящему посрамлению оной, созвал во Франции иудейские синагоги, повелел явно воздавать раввинам их почести и установил новый великий сангедрин еврейский, сей самый богопротивный собор, который некогда дерзнул осудить на распятие Господа нашего и Спасителя Иисуса Христа и теперь помышляет соединить иудеев, гневом Божиим рассыпанных по всему лицу земли, и устроить их на испровержение Церкви

[1] Цит. по: *Жилин П.А.* Отечественная война 1812 года. М.: Наука, 1988. С. 102.

[2] Цит. по: *Жилин П.А.* Отечественная война 1812 года. М.: Наука, 1988. С. 102.

Христовой и (о, дерзость ужасная, превосходящая меру всех злодеяний!) на провозглашение лжемессии в лице Наполеона»[3].

Глупость царя и Синода ужаснула всех грамотных священников. Согласно канонам православной церкви, антихрист должен был первоначально захватить весь мир и лишь потом погибнуть от божественных сил, а не от рук людей. Из чего следовало, что сражаться с Бонапартом бессмысленно.

Тем не менее басням об антихристе поверила не только значительная часть простых людей, но и большая часть офицерского корпуса, включая самый образованный род войск – артиллерию.

Так, участник войны 1812 г. артиллерийский подполковник Илья Радожицкий писал: «До начатия войны 1812 года II-й Артиллерийской бригады 3-я рота, в которой я служил поручиком, была расположена кантонир-квартирами в городе Несвиже Минской губернии. Бригада наша входила в состав войск 6-го Корпуса под командою Генерал-лейтенанта Эссена 2-го.

Мы жили в Несвиже довольно весело и не думали о французах; немногие из наших офицеров между службой занимались политикой. По газетам доходили и до нас кой-какие новости; но мы в шуме своей беззаботливости скоро о них забывали. Один только N, как человек грамотный, занимавшийся чтением Священного Писания и Московских ведомостей, более всех ужасался Наполеона. Терзаемый призраками своего воображения, он стал проповедовать нам, что этот Антихрист, сиречь Аполлион или Наполеон, собрал великие, нечистые силы около Варшавы, не для чего иного, как именно для того, чтобы разгромить матушку-Россию; что при помощи Сатаны Вельзевула, невидимо ему содействующего, враг непременно полонит Москву, покорит весь Русский народ, а за тем вскоре последует – светопреставление и страшный суд. Мы смеялись таким нелепостям в досаду N, который называл нас безбожниками»[4].

Ну а если отбросить версию о кознях «сиониста» Буонапартия против РПЦ, то что остается в осадке?

Французская революция стала манной небесной для Российской империи. Как? Ведь якобинцы поколебали основы легитимизма и отрубили голову «наихристианнейшему» королю Франции Луи XVI? Да, Екатерина Великая публично разревелась, узнав о казни Луи, зато в узком кругу не стеснялась в оценках умственных способностей короля.

Успехи России в войне с Оттоманской империей испугали Пруссию, Австрию, Швецию и Францию. Дело шло к военному союзу против России, и разрушила его именно Французская революция.

4 декабря 1791 г. Екатерина сказала своему секретарю Храповицкому: «Я ломаю себе голову, чтобы подвинуть венский и берлинский дворы в дела французские… ввести их в дела, чтобы самой иметь свободные руки. У меня много предприятий неоконченных, и надобно, чтобы эти дворы были заняты и мне не мешали».

В августе 1792 г. прусские и австрийские войска вторгаются на территорию Франции. Европа вступает в период «революционных войн». А вот в России происходят странные события. Лучшие силы армии и флота стягиваются не на запад против злодеев-якобинцев, а на юг. В 1793 г. из Балтики на Черное море было переведено 145 офицеров и 2000 матросов. В Херсоне и Николаеве было заложено 50 канонерских лодок и 72 гребных судна разных классов. К навигации 1793 г. в составе Черноморского флота было 19 кораблей, 6 фрегатов и 105 гребных судов. В указе о приготовлении Черноморского флота было сказано, что он «чесменским пламенем Царьградские объять может стены».

В январе 1793 г. в Херсон прибывает новый главнокомандующий граф А.В. Суворов. Пока Екатерина сколачивала коалицию для борьбы с якобинцами и устраивала публичные

[3] Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 29: С 1806 по 1807 год. С. 928.

[4] Походные записки артиллериста, с 1812 по 1816 год, артиллерии подполковника И…Р…М., 1835. С. 16–18.

истерики по поводу казни короля и королевы, на санкт-петербургском монетном дворе мастер Тимофей Иванов тайно чеканил медали, на одной стороне которых была изображена Екатерина II, а на другой – горящий Константинополь, падающий минарет с полумесяцем и сияющий в облаках крест.

Операция по захвату Проливов была намечена на начало навигации 1793 г. Однако весной этого года началось восстание в Польше под руководством Костюшко. Скрепя сердце, Екатерина была вынуждена отказаться от похода на Стамбул. 14 августа 1793 г. Суворов прибывает в Польшу, а уже 24 октября перед ним капитулирует Варшава. В результате Суворов стал фельдмаршалом, Екатерина присоединила к России еще три губернии – Виленскую, Гродненскую и Ковенскую, а заодно и герцогство Курляндское. Но не всегда синица в руках лучше журавля в небе. Екатерина это прекрасно понимала, и на 1797 год была запланирована новая операция. По ее плану граф Валерьян Зубов должен был закончить войну в Персии и двинуть войска в турецкую Анатолию. Суворов с армией должен был двинуться к Константинополю через Балканы. А вице-адмирал Ушаков с корабельным и гребным флотом – к Босфору. Формально командовать флотом должна была лично императрица.

6 ноября 1796 г. скончалась Екатерина Великая, и вновь, как и после смерти Елизаветы Петровны, внешняя политика России резко изменилась. Павел после некоторых колебаний решил вмешаться в европейскую войну. С какой целью? Именно в ходе наполеоновских войн классик военного искусства генерал Карл Клаузевиц вывел точную формулировку: «Война есть продолжение политики иными средствами».

Так вот войны Павла I, а затем Александра I против Директории даже в случае полного успеха принесли бы только вред Российской империи. Екатерина Великая в конце своего царствования вывела Россию на ее естественный и исторический рубеж на западе, то есть к границам Древнерусского государства IX–XII веков, где коренное население было русским, язык русский или диалекты – малороссийский и белорусский[5].

Дальнейшая же экспансия на запад и присоединение к России земель с польским или германским населением грозила империи страшной бедой.

В Европе у России оставалась одна проблема – контроль над Черноморскими проливами. Цель – защита от вторжения западных агрессоров «мягкого подбрюшья России» и дать возможность нашим коммерческим и военным кораблям в любое время совершенно свободно проходить оные проливы.

Решить проблему Проливов, воюя один на один с Турцией, Россия могли уже при Павле I. Но для этого нужна была долгая европейская война, без нашего участия. И не затевай Павел и Александр нелепые и ненужные войны с Францией, возможность войны «tete a tete» с Турцией неизбежно представилась бы. Замечу, что России не требовалось присоединять к империи Константинополь и кормить 2 миллиона проживавших там бездельников. Не было никакой необходимости водружать крест над Святой Софией. Достаточно было построить две мощные крепости – в Дарданеллах и на Босфоре.

Павел, в конце концов, осознал свою ошибку и вступил в союз с Первым консулом Французской республики. В октябре 1800 г. граф Растопчин подал государю памятную записку: «Но при общем замирении… за исключением Австрии, все сии три державы кончат войну с значительными выгодами. Россия же останется ни при чем, потеряв 23 000 человек. Ваше Императорское Величество дали неоспоримое право истории сказать некогда грядущим векам: “Павел I, вступая в войну без причины, также и отошел от оной, не достигнув до цели своей, и все силы его обращены были в ничто от недостатка упорства в предпринимаемом.”»

Замечание Павла: «Стал кругом виноват»[6].

---

[5] Исключение представляли собой русины – Закарпатская Русь, находившаяся в составе Австро-Венгерской империи.

[6] *Валишевский К.* Сын Великой Екатерины. Император Павел I. М.: СП «ИКПА», 1990. С. 472–473.

Увы, Павел был убит, а его сын стал затевать новые войны против Франции. А может, «корсиканское чудовище» мечтало присоединить Россию к Франции? Об этом многие писали, но никто и никогда не привел ни одного серьезного доказательства. Обвинение в желании оккупировать Россию – не более, чем военная пропаганда образца 1812 г., которую по незнанию или злому умыслу до сих пор тиражируют отечественные историки.

Я вовсе не пытаюсь утверждать, что Наполеон был добрым и миролюбивым человеком. Но в высочайшем уровне аналитического мышления великого полководца и политика пока никто не сомневался. Он прекрасно понимал, что к Франции было присоединено столько территорий, что для их освоения не хватит и ста лет. Поэтому он, начиная с 1802 г., непрерывно ищет прочного мира со своими противниками. Походы Наполеона прекратились бы, если бы Англия всерьез выполняла бы все статьи Амьенского мира или после Аустерлица заключила бы с ним новый компромиссный мир.

Александр I еще в октябре 1811 г. готовил ультиматум Наполеону, а 27 апреля 1812 г. царь поручил графу Куракину передать его. В ультиматуме Александр требовал эвакуации шведской Померании и ликвидации французских разногласий со Швецией, эвакуации прусских областей, сокращения данцигского гарнизона, разрешения торговли с нейтральными государствами. В случае принятия Францией этих предварительных условий Александр изъявлял готовность вести переговоры о компенсации за Ольденбург и об изменении русских тарифов, применяемых к французским товарам.

Александр и не рассчитывал, что Наполеон примет его ультиматум, и поэтому еще 21 апреля выехал из Петербурга к армии. Русский император приблизил к себе всех, кто в Европе ненавидел Наполеона. Среди них были швед Армфельд, немцы Фуль, Вольцоген, Винценгероде, эльзасец Анштетт, пьемонтец Мишо, итальянец Паулуччи, корсиканец Поццо ди Борго, британский агент Роберт Вильсон. 12 июня в Россию прибыл барон фон Штейн. Эти иностранцы образовали военную партию, еще более непримиримую, чем самые ярые русские милитаристы.

Таким образом, вопрос о том, был ли Наполеон агрессором, нанеся превентивный удар России, остается открытым.

История, как принято говорить, не терпит сослагательного наклонения, но, на мой взгляд, нашим историкам пора бы дать ответ, а что было бы, если бы Наполеон получил в жены русскую великую княжну, а континентальную блокаду царь бы вел согласно всем статьям договоров, благо наши воры все равно нашли бы в ней миллион лазеек. Наконец, сосредоточение русских войск можно было бы вести за несколько сотен километров от западной границы и т. д. И тут более чем очевидно, что Наполеону просто в голову не пришло бы лезть в снежную Россию.

Еще академик Тарле предупреждал о недопустимости проведения аналогий между 1812-м и 1941 годами и между Наполеоном и Гитлером. Фюреру нужно было жизненное пространство, он заранее спланировал уничтожение большей части русского населения, заранее запретил своим генералам и думать о возможности возрождения какой-либо государственности в России после уничтожения СССР.

Но вот Наполеон перешел Неман. Каковы же планы этого «вероломного агрессора»? У Наполеона одна только мысль – разбить противника и заключить мир. При этом он не претендовал ни на один квадратный метр русской территории. Единственное требование к Александру: оставить территориальный статус-кво, выполнять ранее подписанные договоры и не помогать его врагам.

А каковы же условия у жертвы «агрессии»? «Или я, или Наполеон. Мы вместе не может царствовать!» – заявил Александр I еще до Бородина.

Итак, Наполеон вел в России войну локальную, а Александр – тотальную, не выбирая для этого средств.

По данным, приведенным в «Военной энциклопедии»[7], в начале вторжения в Великую армию входило 404 тысячи солдат плюс 44 тысяч резервной кавалерии Мюрата, при 1200 орудиях. Замечу, что этнические французы составляли около половины Великой армии. Так, IV (итальянский) корпус принца Евгения состоял их трех пехотных и одной кавалерийской дивизий, всего 45 тыс. человек; V (польский) корпус князя Понятовского – из трех пехотных и одной кавалерийской дивизий, всего 36,5 тыс. человек; VI (баварский) корпус генерала Сен-Сира – 25 тыс. человек, VII (саксонский) корпус Ренье – 17 тыс. человек; VIII (вестфальский) корпус генерала Вандама (позже Жюно) – 18 тыс. человек; X (прусский) корпус генерала Макдональда – 32,5 тыс. человек; XII (австрийский) корпус генерала Шварценберга – 34 тыс. человек.

Наполеон, вопреки расхожему мнению, тщательно продумал систему снабжения Великой армии. Район Вислы от Варшавы до устья оборудовался как база: главным складочным пунктом стал Данциг, где к январю 1812 г. был заготовлен 50-дневный запас продовольствия для 400 тысяч человек и 50 тысяч лошадей. Значительные магазины имелись в Варшаве, Модлине, Торне и Мариенбурге. Артиллерийские запасы сосредотачивались в Модлине и Торне; госпитали – в Варшаве, Торне, Влоцлавске, Мариенбурге, Эльбинге и Данциге. Обеспечением базы служили крепости Данциг, Торн, Модлин, укрепления Праги (Варшавского предместья) и Замостья.

Следует заметить, что Александр и его министры также основательно подготовились к войне. Так, после заключения Тильзитского мира Александр не распустил ополчение, специально созванное для борьбы с Наполеоном, как обещалось в манифесте, а решил оставить его на пополнение армии и флота, назвав одну его часть подвижной милицией, а другую – подвижным земским войском. В армию было направлено 168 117 человек и на флот – 9265 человек. Эти последние акты вызвали волнения среди ополченцев.

Недостаток людей заставил правительство издать ряд постановлений об определении в армию бродяг, даже если они не отвечали установленным нормам по росту.

Одновременно были даны инструкции о порядке предъявления квитанций и внесения денежных взносов купцами вместо поставки рекрутов.

В 1807 г. решено было призывать также скопцов. Решение об этом было повторено в 1808 г.

Новый рекрутский набор проводился только в 1808 г., из расчета 5 рекрутов с 500 душ. Он должен был пойти на пополнение войск и запасных рекрутских депо. Потребность выражалась в 118 300 человек, собрано же было только 38 906 человек. Вот почему в 1809 г. был проведен 79-й набор из того же расчета. Назначено к сбору было 82 146 человек, собрано – около 60 тысяч.

Усиленные наборы продолжались и в 1810–1811 гг. в связи с угрозой новой войны с Францией. 80-й набор, из расчета 3 рекрута с 500 душ, дал 94 589 человек; 81-й набор (по 4 рекрута с 500 душ) дал 120 тысяч при расчете в 135 тысяч человек. В 1812 г. проводилось три набора. По чрезвычайному 82-му набору (2 рекрута с 500 душ) предполагалось собрать 70 тысяч человек. Вслед за ним начался 83-й набор (по 8 рекрутов с 500 душ), по которому предполагалось собрать 181 585 человек. Но так как из 18 207 944 податных душ 3 555 798 человек было на занятой французами территории, то собрать удалось только 166 563 человека. Вот почему в ноябре 1812 г. был проведен 84-й набор из расчета 8 рекрутов с 500 душ, лишь в Лифляндии 1 человек с 50 душ. Он должен был дать 167 686 человек.

Таким образом, страна только за один год должна была поставить почти 420 тысяч рекрутов. Предельный возраст призываемых пришлось увеличить с 35 до 40 лет и разрешить прини-

[7] Военная энциклопедия. / Под ред. К.И. Величко, В.Ф. Новицкого, А.В. Фон-Шварца и др. В 18 томах. Петербург, 1911–1915. Т. XVII. С. 213.

мать рекрутов с 18 лет. Кроме того, уменьшили предельный рост (на 2 вершка – около 9 см) и допустили прием рекрутов с телесными недостатками. Однако и этих мер было мало, поэтому вынуждены были снова обращаться к созыву народного ополчения.

К июню 1812 г. на западных границах России находились три армии.

1-й Западной армией командовал генерал от инфантерии Михаил Богданович Барклай-де-Толли. В ее состав входили 149 батальонов пехоты, 144 эскадрона конницы и 18 казачьих полков. Всего 127,5 тысячи человек при 559 орудиях.

2-й Западной армией командовал генерал от инфантерии князь Петр Иванович Багратион. В ее составе было 46 батальонов пехоты, 52 эскадрона конницы и 9 казачьих полков. Всего 39,5 тысяч человек.

Наконец, 3-й Обсервационной армией командовал генерал от инфантерии граф Александр Петрович Тормасов. Эта армия прикрывала киевское направление и состояла из 54 бригад пехоты, 76 батальонов конницы и 10 казачьих полков. Всего 44 тысячи человек при 168 орудиях[8].

Итого, 211 тысяч человек при 906 орудиях. Такой большой армии с огромной огневой мощью никогда не было ни у Петра под Полтавой, ни у Румянцева, ни у Суворова.

Однако впервые в российской истории в армии не оказалось… главнокомандующего! Все командующие тремя армиями находились в одинаковом чине и не были подчинены друг другу. Ни у одного из них не было достаточного морального авторитета.

Барклай-де-Толли был умен и достаточно опытен в военном деле. Не берусь судить, действительно ли он сказал в 1807 г. в Мемеле известному историку Нибуру: «Если бы мне пришлось действовать против Наполеона, я вел бы отступательную борьбу, увлек бы грозную французскую армию в сердце России, даже на Москву, истощил бы и расстроил ее и, наконец, воспользовавшись суровым климатом, заставил бы Наполеона на берегах Волги найти вторую Полтаву»? Или это придумал Нибур задним числом? Но, увы, Барклай не только не пользовался авторитетом, но скорее был ненавидим русской частью генералитета и офицерства. Тут стоит заметить, что примерно половина наших генералов не были этническими русскими, и большинство их составляли немцы.

Багратион был храбр, но он был лишь превосходным исполнителем стратегических планов Суворова и Кутузова. Соответственно, о том, чтобы сделать его главнокомандующим, речь никогда не заходила. Наконец, Александр I не забыл его связи с «Екатериной III» (Великой княжной Екатериной Павловной).

Тормасов и подавно не годился в главнокомандующие. Большую роль в окружении царя играл прусский генерал Фуль (Пфуль).

По совету Фуля, Александр, не спросив ни Барклая, ни Багратиона, приказал устроить «укрепленный лагерь» в местечке Дриссе на Двине. По мысли Фуля, этот лагерь, где предполагалось сосредоточить до 120 тысяч человек, мог по своему срединному положению между двумя столбовыми дорогами воспрепятствовать Наполеону одинаково как идти на Петербург, так и на Москву. И когда Наполеон внезапно перешел через Неман, русской армии было велено отступать на Свенцяны, а оттуда в Дриссу.

«Дрисский лагерь мог придумать или сумасшедший, или изменник», – категорически заявили в глаза Александру некоторые генералы посмелее, когда армия с царем и Барклаем во главе оказалась в Дриссе. «Русской армии грозит окружение и позорная капитуляция, Дрисский лагерь со своими мнимыми “укреплениями” не продержится и нескольких дней», – утверждали со всех сторон в окружении Александра.

Находившийся в небольших чинах при армии Барклая Клаузевиц, осмотревший и изучивший этот лагерь как раз перед вступлением туда 1-й русской армии, делает следующий

[8] По данным Военной энциклопедии. Т. XVII. С. 214.

вывод: «Если бы русские сами добровольно не покинули этой позиции, то они оказались бы атакованными с тыла, и, безразлично, было бы их 90 или 120 тысяч человек, они были бы загнаны в полукруг окопов и принуждены к капитуляции».

Царь, по свидетельству очевидцев, прибыл в Вильно с твердым убеждением в пригодности плана Фуля. Однако все были против плана Фуля. Но никто ничего толкового не предлагал, кроме Барклая-де-Толли, которого слушали мало. Он советовал отступать, не идти на верный проигрыш генеральной битвы у границы.

Обстановка в штаб-квартире Александра I великолепно описана Львом Толстым. Он ехидно подметил: «…во всех речах всех говоривших была, за исключением Пфуля, одна общая черта. Которой не было на военном совете в 1805-м году. – Это был теперь хотя и скрываемый, но панический страх перед гением Наполеона, страх, который высказывался в каждом возражении. Предполагали для Наполеона всё возможным, ждали его со всех сторон, и его страшным именем разрушали предположения один другого»[9].

Тут я хочу обратить внимание на состояние русских крепостей, судьба которых обычно выпадает из поля зрения наших историков, описывающих наполеоновские войны. С древних времен московские князья, а затем цари тратили огромные средства на строительство и модернизацию крепостей на западных рубежах. Екатерина Великая не стала уделять должного внимания крепостям, да и, честно говоря, нужды в этом особой не было. Но почему Александр, который якобы защищал Россию от агрессора, не создал системы крепостей на западных границах своей империи? Наполеон быстро и эффектно завершал свои кампании разгромом в одной-двух битвах армий противника, но не любил осаждать крепости, и они иной раз защищались от французов по полгода, году и более.

И в 1812 г. мощные, хорошо укрепленные крепости могли надолго задержать Наполеона на западных рубежах. Но, увы, Динабург перестраивался, не был готов к обороне и был оставлен. Ковно, Гродно, Вильно имели лишь старинные (польские) укрепления и были сданы без боя. Смоленск по-прежнему числился крепостью, но только на бумаге.

В Бобруйске с 1810 по 1812 год наскоро построили девять земляных укреплений. И даже эти убогие укрепления позволили сравнительно небольшому гарнизону отбиваться от французов с июля по ноябрь 1812 г.

Плачевное состояние западных русских крепостей к 1812 г. – не результат нехватки средств в Военном министерстве и не просчет генералов. Это результат стратегии Александра I – наступать и воевать на чужой территории.

После переправы через Неман корпус Даву двинулся на Вильно. Вслед за ним пошла кавалерия Мюрата. Корпус Нея устремился к Скорули, а корпус Удино – к Янову. Днем 12 (24) июня в Ковно прибыл Наполеон.

Барклай выехал из Вильно 26 июня и пошел по направлению к Дрисскому укрепленному лагерю. Но уже когда он выходил из Вильно, и он сам, и Александр, и все окружающие царя были убеждены, что этот Дрисский лагерь – вздорная выдумка бездарного Фуля.

8 июля Александр прибыл в Дриссу и принялся объезжать лагерь во всех направлениях. Увы, царь был от природы органически лишен понимания войны и военного дела.

Барклай со стотысячной армией вступил в Дриссу 10 июля, а уже 16 июля со всеми войсками, бывшими в Дриссе, со всем обозом, со всеми запасами и с самим царем покинул Дрисский лагерь и пошел по направлению к Витебску. Первой большой остановкой на этом пути был Полоцк. И в Полоцке решилась благополучно головоломная задача, которая еще от Вильны, а особенно от Дриссы, стояла неотступно перед русским штабом: как отделаться от царя? Как поделикатнее и наиболее верноподданно убрать Александра Павловича подальше от армии?

[9] *Толстой Л.Н.* Война и мир. Т. III. С. 53–54.

И вот уговаривать царя уехать взялись самые влиятельные люди страны – Аракчеев, министр полиции Балашов и государственный секретарь Шишков. Наконец, из Твери Александр получил несколько резких писем от Екатерины III. В одном из них говорилось: «Если я хотела выгнать вас из армии, как вы говорите, то вот почему: конечно, я считаю вас таким же способным, как ваши генералы, но вам нужно играть роль не только полководца, но и правителя. Если кто-нибудь из них дурно будет делать свое дело, его ждут наказание и порицание, а если вы сделаете ошибку, все обрушится на вас, будет уничтожена вера в того, кто, являясь единственным распорядителем судеб империи, должен быть опорой»[10]. В результате Александр I покинул армию.

Теперь Барклай мог единолично распоряжаться 1-й армией. Он приказал отступать на Витебск. Начальником его штаба был назначен А.П. Ермолов, генерал-квартирмейстером – полковник Толь.

До сих пор историки спорят, отступал ли Барклай по хорошо продуманному плану и готовился к «скифской войне», или действовал в зависимости от складывавшихся обстоятельств.

Лично я склоняюсь к последнему. Интересно мнение очевидца, участника войны 1812 г., оберквартирмейсте-ра 6-го корпуса Липранди, с анализом которого всегда считались специалисты: «Я смею заключать, что, как до Смоленска, так и до самой Москвы, у нас не было определенного плана действия. Все происходило по обстоятельствам. Когда неприятель был далеко, показывали решительность к генеральной битве и, по всем соображениям и расчетам, думали наверное иметь поверхность [одержать верх. – *А.Ш.],* но едва неприятель сближался, как все изменялось, и опять отступали, основываясь также на верных расчетах. Вся огромная переписка Барклая и самого Кутузова доказывает ясно, что они не знали сами, что будут и что должны делать»[11].

Любопытно, что первая стычка с французами произошла 16 (28) июня, то есть спустя четыре дня после форсирования ими Немана, да и то имела место у деревни Девельтово на северном вспомогательном направлении, в 15 км западнее Ковно.

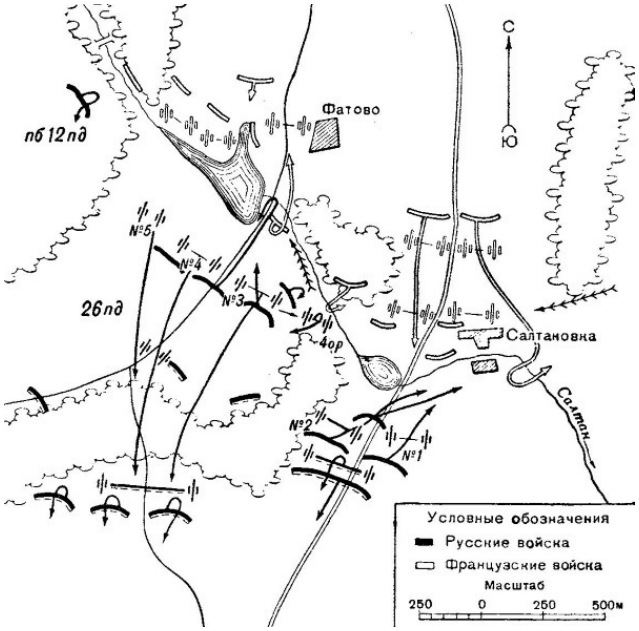
Наиболее известное боестолкновение произошло у деревни Салтановка 11 июля у дороги Могилев – Быхов.

В то время как 1-я армия находилась в лагере под Дриссой, 2-я армия, после попыток прорваться к Минску, 26 июня сосредоточилась в Несвиже. Багратион, убедившись, что значительные силы Наполеона уже захватили Минск и развивают наступление в направлении Орши и Могилева, принял решение опередить противника выходом через Бобруйск в Могилев. Однако, когда войска 2-й армии 10 июля сосредоточились в районе Старый Быхов – Дашковка, обнаружилось, что французские войска (до 60 тыс. человек) под командованием Даву двумя днями раньше захватили Могилев.

---

[10] Переписка Александра I с сестрой, великой княгиней Екатериной Павловной. СПб., 1910. С. 76.

[11] *Харкевич В.* 1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях современников. Материалы Военно-ученого архива Главного штаба. Вильно, 1903. Т II. С. 7.

Русская артиллерия в бою под Салтановкой: батареи № 1—12 орудий; № 2—12 орудий; № 3—12 орудий; № 4–6 орудий; № 5–2 орудия

Из Могилева навстречу русским Даву выслал 28-тысячный отряд при 56 орудиях, который занял выгодную для обороны позицию на рубеже Фатово – Салтановка.

С фронта позиция прикрывалась глубоким, с заболоченной поймой, ручьем. Левый фланг французов примыкал к Днепру, а правый упирался в густой лес, что в значительной мере затрудняло обходной маневр.

В деревянных домах Салтановки и Фатова были установлены бойницы для стрелков. Артиллерия французов располагалась на высотах небольшими батареями (4–8 орудий), прикрывая своим огнем главным образом дороги, ведущие к Могилеву. В сочетании с заграждениями в виде лесных завалов, огонь артиллерии противника делал позицию весьма прочной.

Не имея сведений о группировке и силах французских войск, Багратион решил атаковать их и занять Могилев. Для этой цели был выделен отряд под командованием генерала Раевского в составе 7-го пехотного корпуса, четырех кавалерийских и трех казачьих полков общей численностью 11 тыс. человек пехоты и 4 тыс. человек конницы. Артиллерия отряда состояла из двух артиллерийских бригад, на вооружении которых находилось 72 орудия. Следовательно, если противник на позиции под Салтановкой имел почти двойное превосходство по пехоте и коннице, то в отношении артиллерии перевес был на стороне русских войск.

Утром 11 июля русские войска подошли к Салтановке. Раевский решил главный удар нанести в направлении Салтановки силами 12-й пехотной дивизии и вспомогательный – 26-й пехотной дивизией в обход правого фланга противника – на Фатово. Для поддержки атаки две артиллерийские роты заняли позиции на опушке леса перед

Салтановкой, оборудовав здесь две 12-орудийные батареи. Удаление артиллерийских батарей от расположения пехоты и французской артиллерии составляло 300–350 м, что давало возможность вести прицельный огонь не только ядрами и гранатами, но и картечью.

Передовые части 26-й дивизии при подходе к Фатову сбили охранение французов и отбросили его за ручей. Часть артиллерии заняла позиции на высоте 400 м южнее Фатова. Когда главные силы дивизии были еще на подходе, французы попытались обойти русские войска справа. Командир дивизии генерал Паскевич выдвинул на правый фланг своей дивизии 4 орудия. Отходившие русские войска навели французов на эту батарею, и она с дистанции

200 м внезапно открыла беглый картечный огонь по их плотным колоннам. Ряды французов смешались. Этим воспользовалась пехота, которая отбросила противника к Фатову.

После отражения атаки для прикрытия правого фланга дивизии была установлена 12-орудийная батарея. Теперь на высоте южнее Фатова уже находилось три батареи на 20 орудий. Остальные 16 орудий артиллерийской бригады были сосредоточены в качестве артиллерийского резерва южнее Салтановки. Вскоре артиллерийская батарея, установленная на удалении 400 м от противника, открыла огонь по боевым порядкам французской пехоты и артиллерии. Стрельба велась гранатами и картечью с наиболее выгодного для действия этими видами снарядов расстояния. Сосредоточенный огонь велся сначала по одной части войск, а затем переносился на другие. Действия русской артиллерии были настолько эффективными, что противник вынужден был отвести пехоту из зоны картечного огня и усилить свою артиллерию. С обеих сторон велся интенсивный артиллерийский огонь.

Тем временем Раевский приказал атаковать противника силами 12-й дивизии в направлении Салтановки. Однако атака укрепленной позиции, занятой превосходящими силами французов, не увенчалась успехом. Багратион, прибыв в район Салтановки и убедившись в превосходстве сил противника, приказал под прикрытием огня артиллерии и отрядов конницы отойти к Дашковке. Одновременно было отдано распоряжение о наведении моста через Днепр в районе Нового Быхова для переправы армии и следования через Мстиславль к Смоленску в обход Могилева.

При выходе из боя отличились артиллеристы 26-й дивизии, которая совершала отход в более сложных условиях.

Во второй половине дня резервные кавалерийские полки и пехотные батальоны 26-й дивизии заняли оборону на северной опушке рощи в 1 км от Фатова. Батареи 3, 4 и 5 были сведены в одну 20-орудийную батарею, установленную у дороги в 500 м от деревни. Как только эта батарея открыла интенсивный огонь по батареям и живой силе противника, части дивизии начали отход. Когда все полки отошли на поляну в 2 км от Фатова, а с батареей остались только два пехотных батальона, начала перемещаться артиллерия, снимаясь по два орудия с каждого фланга батареи. Первые два орудия заняли огневую позицию вместе с резервными подразделениями. Остальные, вместе с последними двумя батальонами, под прикрытием резерва пехоты и этих двух орудий отошли на новую позицию батареи в район основных сил дивизии.

Только теперь противник разгадал маневр русских войск и предпринял атаку, которая, однако, была отбита резервными подразделениями и картечным огнем оставшихся с ними двух орудий.

В дальнейшем наступающие неоднократно пытались разгромить русскую дивизию, но каждый раз их атаки отражались артиллерией, последовательно по рубежам прикрывавшей ее отходившие части.

Не менее успешно был осуществлен отход и 12-й дивизии, которую прикрывали своим огнем две 12-орудийные батареи.

Бой под Салтановкой имел большое значение для русской армии. Две дивизии сковали здесь значительные силы противника и тем самым обеспечили переправу главных сил 2-й армии через Днепр и их последующий выход к Смоленску. В решении этой задачи важную роль сыграла артиллерия.

В то время, когда происходил бой под Салтановкой, войска 1-й армии сосредоточились в Витебске. Чтобы выиграть время, необходимое для соединения со 2-й армией, навстречу французским войскам в направлении Бешенковичи был выслан отряд под командованием генерала Остермана-Толстого в составе двух пехотных дивизий и пяти кавалерийских полков общей численностью 14 тыс. человек при 66 орудиях (одна батарейная, три легких и полторы конных роты).

Авангард французов, двигавшийся к Витебску, состоял из двух кавалерийских корпусов и одной пехотной дивизии; всего до 25 тыс. человек при 80 орудиях.

Утром 13 июля, после короткой стычки передовых разъездов, в 1,5–2 км восточнее Островно развернулись в боевой порядок основные силы противника. Русские артиллеристы установили орудия впереди первой линии своей пехоты в 500–100 м от противника, разместив по 10–12 орудий на каждой батарее, в то время как противник поставил двух- трехорудийные батареи. Преимущество расположения русских батарей не замедлило сказаться в ходе боевых действий.

В разгоревшейся артиллерийской дуэли русские артиллеристы последовательно сосредотачивали огонь 12-орудийных батарей на 2—3-орудийных батареях противника, создавая тем самым тройное огневое превосходство, и подавляли их одну за другой.

Участник этих боев поручик Радожицкий в своих «Походных записках артиллериста» свидетельствует о находчивости и высоком мастерстве русских артиллеристов. Так, например, когда орудия третьей легкой роты стали подвергаться действию огня французской артиллерии, было приказано переместить их вперед. Противник за дымом и пылью не заметил маневра и долгое время вел огонь по пустому месту, не причиняя вреда русской батарее. Далее Радожицкий пишет, что, обнаружив трехорудийную батарею противника, его взвод, ведя огонь ядрами на рикошете, со второго выстрела вывел из строя одно орудие противника, чем вынудил французов снять батарею с позиции и увезти орудия в тыл.

Артиллерийская дуэль при полном превосходстве русской артиллерии длилась более часа. За это время было выведено из строя 19 орудий противника. Наша артиллерия потеряла при этом только два орудия и 8 зарядных ящиков.

В этом бою особенно отличились артиллеристы 3-й легкой роты под командой полковника Малеева. Дважды французская конница врывалась на позиции этой роты. Рота потеряла до 60 человек, но продолжала вести огонь картечью в упор и совместно с пехотой вынуждала противника отходить.

В ночь на 14 июля отряд был заменен дивизией, пехота которой при поддержке артиллерии также успешно в течение дня отразила несколько атак французских войск.

В ходе двухдневных напряженных боев артиллерия отряда успешно выполнила свою задачу по подавлению артиллерии противника, отразила все атаки превосходящих сил его пехоты и конницы, задержала продвижение французских войск к Витебску на 2 дня и обеспечила вместе с пехотой отход главных сил 1-й армии к Смоленску.

О напряженности боев и интенсивности стрельбы русской артиллерии свидетельствует относительно большой расход снарядов. Так, за день боя 2-я батарейная рота израсходовала 286, 3-я легкая рота – 483, 4-я легкая рота – 546, а полурота 5-й конной роты – 668 снарядов, что составляет в среднем 47 снарядов на орудие.

Таким образом, в результате усилий арьергардов 1-й и 2-й армий, поддержанных хорошо организованным огнем артиллерии, французские войска были задержаны на несколько дней. Это позволило главным силам русских армий 20–22 июля соединиться в Смоленске.

Глава 2
Сражения на флангах великой армии

К началу Отечественной войны 3-я резервная обсервационная армия под начальством генерала от кавалерии Тормасова была расположена на Волыни, занимая позиции от Любомля до Старого Константинова с главной квартирой в Луцке. Армия Тормасова имела в своем составе 54 батальона, 76 эскадронов, 9 казачьих полков, 14 артиллерийских, одну пионерскую и одну понтонную роты. Всего 46 тыс. человек при 168 орудиях.

Генерал Тормасов до своего назначения главнокомандующим 3-й армии, с 1809 г. по 1811 г. будучи главнокомандующим войсками в Грузии и на Кавказской линии, успешно провел три кампании против турок и персов.

Начальником авангарда у Тормасова был граф Карл Ламберт, эмигрировавший из Франции в Россию в 1793 г.

В свою очередь Наполеон поручил действовать на Волыни 7-му Саксонскому корпусу бригадного генерала Жана-Луи Ренье в составе двух пехотных и одной кавалерийской дивизий, всего 17 тыс. штыков и сабель.

С началом военных действий Ренье двинул войска для занятия городов Бреста и Кобрина. Замечу, что Брест (Берестье) был русской крепостью еще в конце X века. В 1807 г. инженер-генерал Сухтелен составил проект крепости в Бресте. Но на ее постройку у Военного ведомства не хватило средств.

Для занятия Бреста и Кобрина Ренье послал генерал-майора Кленгеля с четырьмя батальонами, тремя эскадронами и восемью полковыми орудиями, всего около трех тысяч человек. От авангарда, выдвинутого к Янову, был отряжен один эскадрон к Пинску.

Между тем генерал Тормасов послал Ламберта совершить рейд в герцогство Варшавское. В начале июля Ламберт с 4-мя батальонами пехоты, 16-ю эскадронами конницы и 6-ю пушками переправился в нескольких местах через Буг и, двигаясь в Грубешову, рассеял собравшуюся там польскую милицию, захватив при этом в плен до 100 человек.

Граф Ламберт предлагал Тормасову направить весь авангард к Люблину и занять его. Но между тем Тормасов получил 5 (17) июля Высочайшее повеление направиться в тылы французским войскам, действовавшим против армии Багратиона.

Охранение Волынской и Подольской губерний было поручено генерал-лейтенанту Сакену, который с шестью батальонами 36-й пехотной дивизии и с 12-ю запасными эскадронами находился у Заслова и Старого Константинова. Остальные 6 батальонов 36-й дивизии были отряжены к Мозырю на усиление 2-го резервного корпуса под

начальством генерала Эртеля. Генерал-майор Хрущев с Житомирским и Арзамасским драгунскими полками и с двумя казачьими полками расположился вдоль границы Герцогства Варшавского для наблюдения за ней и для сохранения связи главных сил Тормасова с войсками, стоявшими у Заслова и Константинова.

Сам же Тормасов двинулся на перехват Ренье. Его авангард под командованием Ламберта состоял из четырех батальонов егерей, трех полков казаков и шести пушек 12-й конноартиллерийской роты. Авангард шел от Владимира по обоим берегам Буга к Бресту.

Князь Щербатов с шестью батальонами 18-й пехотной дивизии, восемью эскадронами Татарского уланского полка, Евпаторийским татарским полком и 24-мя орудиями 34-й легкой и 11-й конной рот также шел к Бресту через Ратно и Макраны.

Генерал-майор Чаплиц с 13-м егерским полком, Павло-градским гусарским и четырьмя эскадронами Лубенского гусарского полка, Донским казачьим Барабанщикова полком, шестью

орудиями 12-й конной роты и пионерской ротой капитана Куцевича двигался через Ратно и Дивин по кратчайшей дороге к Кобрину. За ним следовали главные силы Тормасова.

12 (24) июля князь Щербатов на пути от Ратно к Бресту, достигнув Руды, узнал, что Брест занят довольно слабым саксонским отрядом. Поэтому Щербатов оставил свою пехоту на полдороги к городу под командованием генерал-майора Бенардоса, а сам с кавалерийской бригадой и с двумя конными орудиями поспешно двинулся далее.

В 3 часа пополудни 13 (25) июля русская кавалерия, ворвавшись в Брест, рассеяла стоявшие там два саксонских эскадрона, захватив в плен более 40 человек. Прочие же почти все были перебиты. В тот же день в Брест вошел генерал Ламберт со своим отрядом.

На следующий день, 14 июля, Ламберт, оставив в Бресте майора барона Розена с эскадроном Александрийских гусар и эскадроном Татарского уланского полка, перешел к Булькову.

15 (27) июля в час ночи Ламберт с кавалерий выступил по дороге к Кобрину. Пехоте же было приказано отдыхать до 4-х часов утра, а потом следовать за конницей. В седьмом часу утра русская кавалерия подошла к Кобрину.

Саксонцы, узнав об этом, выслали свою конницу по брестской дороге и рассыпали стрелков во ржи и в канавах, пересекавших поле. Ламберт, оценив невозможность действовать конницей на столь неудобной для нее местности, хотел выманить противника в открытое поле. Но саксонцы оставались на занятой ими позиции, поэтому отряду Ламберта пришлось ограничиться перестрелкой в ожидании прибытия Чаплица со стороны Ковеля и подхода пехоты, оставленной у Булькова.

Как только Ламберт узнал о приближении Чаплица к Кобрину, то сразу же отправил подполковника князя Мадатова с двумя эскадронами александрийских гусар и сотней казаков за реку Мухавец для занятия пружанской дороги. Мадатов переправился вброд через реку, напал на стоявшие там два эскадрона противника и втоптал их в город. Вскоре князь Мадатов получил подкрепление – два эскадрона стародубовских драгун, два эскадрона александрийских гусар и один эскадрон Татарского уланского полка.

Между тем саксонцы поставили два орудия на левом берегу реки и стали обстреливать русскую кавалерию. Поэтому граф Ламберт отрядил за реку два орудия роты Апушкина, которые метким огнем принудили замолчать саксонские пушки.

Вражеская пехота, потеряв надежду отступить по пружанской дороге, двинулась на русскую батарею, стоявшую на левом берегу Мухавца, чтобы открыть себе путь к Бресту. Но огонь русской артиллерии и контратаки спешенных драгун Стародубовского и Тверского полков заставили неприятеля отступить.

Тем временем к Кобрину подошел отряд Чаплица. Его пыталась атаковать саксонская конница при двух конных орудиях. Однако павлоградские гусары опрокинули вражескую кавалерию, отбили обе пушки и «на плечах неприятеля» ворвались в Кобрин. Вслед за ними в город вошел 13-й егерский полк.

В ходе упорного боя саксонцы были вынуждены очистить город, загоревшийся в нескольких местах, и отступить за каменную монастырскую ограду, в развалине небольшого форта, построенного еще в Северную войну Карлом XII.

Форт был окружен, и русская артиллерия приступила к его бомбардировке. В результате саксонцы выбросили белые флаги. Пленных было взято: два генерала, в том числе и командующий отрядом генерал Кленгель;

76 обер-офицеров и 2382 человека нижних чинов. Четыре знамени и 8 орудий достались победителям. Потери русских войск составили 77 человек убитыми и 182 ранеными. Генерал Тормасов, в уважение оказанной саксонцами храбрости, приказал вернуть пленным офицерам шпаги. В городе сгорело 548 домов, а уцелело только 82.

Бой при Кобрине, по мнению большинства дореволюционных историков, был «первою победою, одержанною русскими войсками со времени вторжения Наполеона».

Замечу, что советские историки фактически игнорировали сражения у Кобрина и Городечно.

На момент взятия русскими Кобрина главные силы 7-го корпуса Ренье находились в 20 верстах от Кобрина у местечка Городец. Ренье, получив сведения об участи отряда Кленгеля и имея под своим началом не более 20 тысяч человек, немедленно стал отступать к Пружанам, по пути к Слониму, на соединение с австрийцами генерала Карла Шварценберга.

С 20 по 28 июля (1–9 августа) Тормасов отправил в Варшавское Герцогство отряды казаков и гусар, сильно грабившие население. Как писал М. Богданович: «Жители Герцогства Варшавского, отрезанные от Шварценберга и Ренье, были приведены в ужас, прежняя самонадеянность их исчезла… Генерал Луазон, командовавший французскими войсками в Кёнигсберге, полагая, что русские уже успели занять Белосток, двинулся с десятью тысячами человек к Растенбургу, в помощь Шварценбергу и Ренье, и возвратился в Кёнигсберг не прежде как убедившись в отступлении русских войск»[12].

Между тем Ренье отступил к Слониму, отправив своего адъютанта к Шварценбергу за помощью.

[12] *Богданович М.* История Отечественной войны 1812 г. по достоверным источникам. СПб., 1860. С. 325.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.